

А Ци закрыл глаза: уснёт — и голод отступит...

Цю Гуань сидела на каменных ступенях и думала: если А Ци уйдёт, как ей быть... Страшно даже представить. Нужно идти к сводне — сейчас только на неё и можно надеяться. Если та сжалится, А Ци выживет.

— Матушка, умоляю вас! А Ци уже два дня ничего не ел.

Тётушка Мэй оттолкнула руку Цю Гуань, поправила свои чёрные, гладко зачёсанные волосы наманикюренными пальцами и фыркнула:

— Всего два дня поголодал, а уже такой неженка. Отстань, сам виноват — хозяина не угодил.

— Матушка, он умрёт от голода! Умоляю, выпустите его! — Цю Гуань вцепилась в пурпурную юбку Тётушки Мэй, так что та вся покрылась складками.

Та, раздражённая, резко толкнула девушку ногой:

— Прочь с глаз моих!

Тут же четверо рабов-черепак вытолкали Цю Гуань из зала. Бойкое дело шло своим чередом, народ сновал туда-сюда, предаваясь утехам, и никому не было дела до плачущей служанки.

Цю Гуань вернулась к двери кладовой, села, прижавшись лбом к дереву, и мысленно взмолилась небесам:

— А Ци, не умирай, держись...

На третий вечер А Ци наконец выпустили. Тётушка Мэй просто хотела проучить его покрепче, не доводя до смерти, но и этого хватило, чтобы он с полусмерти слез, будто с него кожу содрали. Сознание путалось, он пребывал в забытьи. И без того тощий, теперь он стал просто кожа да кости — на ощупь одни рёбра. Цю Гуань не решалась накормить его досыта: сначала разбудила, дала немного жидкой каши, и лишь тогда в нём проступили признаки жизни.

— Сяо Жун... — имя, которое он уже не в первый раз бормотал во сне. Значит, в его сердце тоже был кто-то. Сяо Жун — наверное, девушка.

На четвёртый день А Ци кое-как пришёл в себя, но с утра живот ныл от пустоты, голод скручивал внутренности. На столике у кровати лежали две пампушки и миска воды. А Ци сбросил одеяло, сполз с постели и набросился на еду.

Выйдя на улицу в одури, он зажмурился от яркого солнца — казалось, свет вот-вот убьёт его. Прикрыв глаза рукой, он вдруг осознал, что память подводит: не может вспомнить, за что сводня заперла его в кладовой...

Солнце слепило, и А Ци вернулся в комнату. В холодном одиночестве он вдруг сжался в углу кровати, лицо исказилось беззвучным рыданием, губы судорожно подрагивали, сдерживая звук, а всё тело била дрожь...

— А Ци.

Цю Гуань, ворвавшись в комнату, ахнула при виде его. В её памяти А Ци всегда был тем, кто глотал любую обиду, даже самую горькую. Даже когда его избивали до полусмерти, он не проронил ни слезинки. Сейчас он, должно быть, страдал на пределе.

Не упоминая его плачевный вид, она сказала:

— Вчера пересчитала свои сбережения — оказывается, уже немало скопила. Как-нибудь, когда будет время, сходим в таверну, поедим как следует. Всю жизнь прожили, а в настоящем ресторане ни разу не были.

А Ци перестал рыдать, хотя всхлипы ещё трясли его. Чунь Жуй вздохнула:

— Поедим как следует, поправишься. А Ци, ты в последние дни совсем исхудал.

А Ци вдруг встрепенулся, схватил руку Цю Гуань и прижал к своему плечу, с испугом в глазах:

— Пощупай, кости не торчат?

Цю Гуань не поняла его, но послушно слегка сжала его руку:

— Очень даже торчат.

Она надеялась, что это убедит его пойти с ней поесть, но слова лишь подстегнули А Ци.

— Пампушки ещё есть? Хочу есть!

Цю Гуань решила, что он просто изголодался, и поспешила стащить с кухни ещё несколько. А Ци выхватил их и принялся жадно глотать, даже не запивая водой.

— А Ци, помедленнее, выпей воды.

— Кх-кх... — Половина пампушки вылетела обратно, но он подобрал с пола разжёванную массу и запихнул в рот, не брезгуя грязью.

Вмиг он умял пять штук.

Закончив, он снова схватил руку Цю Гуань:

— Ну что, ещё торчат?

Цю Гуань, не понимая, просто замотала головой. Если б она снова сказала «торчат», он бы сегодня живот надорвал.

А Ци глупо ухмыльнулся, слезинки ещё не высохли на щеках, и вышло весьма нелепо.

— Теперь он, наверное, не почувствует, что кости торчат... — пробормотал он себе под нос, так тихо, что только сам и услышал.

Цю Гуань, глядя на его простодушно-глуповатый вид, почувствовала, как сердце сжалось от жалости. Во всём, во что он превратился, — не человек, не призрак, — был виноват один лишь Господин Лин.

Она знала, где затаилась его боль. Её не удивило, что он полюбил мужчину. Она лишь вспомнила ледяной отказ того человека и не хотела больше позволять А Ци биться в этой безнадежности. Она не побоялась нанести ему ещё один удар — чтобы покончил раз и навсегда.

— Я тогда, как ты просил, пошла к нему. Он сказал мне убираться.

Видя, что А Ци замер, она продолжила:

— Что ты в нём нашёл?..

А Ци, опустив голову, молча теребил край одежды.

Цю Гуань вздохнула:

— А Ци, ты старше меня. Как же ты так бестолково живёшь?

Сказав это, она ушла. А Ци остался сидеть на полу, не двигаясь. Примерно через час он поднялся и принялся за работу: рубить дрова, греть воду, разжигать огонь... Всё, что можно было сделать, он делал. Занятость не освобождала голову — она оставалась тяжёлой. Он не мог понять слов Цю Гуань. Неужели он и вправду бестолков? Он просто полюбил Ань Жуна, радовался и печалился из-за него.

Где-то через четыре-пять дней Цю Гуань сама разыскала А Ци. О Господине Лине больше не зашло и речи — оба молча понимали друг друга. Она считала, что предостерегла его, а дальше — его воля. Не ей решать, как ему жить.

— Пошли. Сегодня после обеда, когда дела закончатся, угощаю тебя в Тереме Пьяного Бессмертного.

— Свои деньги береги, не сори.

Цю Гуань усмехнулась с не по годам взрослой улыбкой:

— Да на копить-то? Отец продал меня сюда, все от меня отказались. К чему мне их помнить? Деньги-то мои.

А Ци не нашёл что ответить, лишь сжал губы. Оба они были несчастными созданиями. На этом белом свете не нашлось для них даже уголка, который можно было бы назвать домом.

— А Ци, давай в обед. Я пойду работать.

Не дожидаясь ответа, она скрылась из виду.

Этой девчонке всего шестнадцать, а смотрит на жизнь яснее его. Бестолковым был лишь он один, А Ци, со своими глупыми мыслями, проживающий свою бестолковую жизнь... Холодно...

После обеда на кухне снова разгорелся скандал. Чунь Жуй, наказанная работой на кухне, получила сегодня нагоняй от Матушки Чжан — та жаловалась, что та неуклюжа и медлительна.

А Чунь Жуй внутри просто кипела от обиды: была ведь старшей служанкой, жила в разы лучше других, а теперь её в эту дыру сослали. Как не возмущаться? Злость искало выхода, и, увидев, как А Ци входит с охалкой дров, она нашла мишень.

А Ци, заметив разъярённую женщину, даже бровью не повёл, обошёл её и сложил дрова в сторону.

— Ты слепой что ли? — прошипела она ему вслед.

А Ци проигнорировал её, продолжая заниматься своим делом. Чунь Жуй, ещё больше

взбешённая, подскочила и дала ему пощёчину. Не ожидавший такого, А Ци опешил, в ушах зазвенело.

Прикрыв пылающую щёку, он хмыкнул:

— Грубая работа и силушки прибавила.

Чунь Жуй не ожидала, что этот жалкий раб-черепаха посмеет огрызнуться. Ярость её только возросла, и она с силой плюнула:

— Врёшь! Я такая из-за тебя, собаки!

В гневе она не стеснялась в выражениях, выплёскивая потоки грязи. Все на кухне замерли, наблюдая за представлением.

А Ци не остался в долгу, бросив спокойно:

— Сама виновата.

<http://bllate.org/book/16237/1459450>